

Содержание

От автора	7
Пролог	9

Часть 1. Люди

Двойной кран	13
Английский стиль юмора	42
Свой дом	50
Погода	57
Гражданская позиция	63
Матери-одиночки	72
Аристократы: там, в солнечном Танжере...	80
Дети	87
Флирт	96
Провинция	102

Часть 2. Страна

Политика речи	107
Международные отношения	125
Полиция	143
Медицина	148
Спорт на острове	161
Образование	170
Работа	174
Религия	192
Бюрократия	201
Праздники	211

Часть 3. Иммиграция

Польский вопрос	215
Ямайская колония	222
Маленький остров	228
За гранью пособия	236
Гуркхские стрелки	243
Наши	248
Эпилог	259
Источники	262
Об авторе	265

В спокойное от политических волнений, беспорядков и выяснений отношений на пьяную голову поздно ночью у бара британцы очень вежливы. То есть нет, даже крайне вежливы. Вы наступите бритту на ногу — он вам скажет «извините». Двинете его локтем в метро почем зря — опять попросит прощения. Налетите на него со всей дури, торопясь куда-то по своим делам, — а он вам опять: мол, «сорри». На представителей других наций, только приехавших в Англию, впечатление это производит неизгладимое. В первое время кажется, что все островитяне как будто «малость пришибленные» и чувствуют себя во всем виноватыми. Но, нет, это простая человеческая вежливость. Вы же не специально налетели на него, отдавили ногу, обидели и втоптали в грязь? Вероятно, уже сами мучаетесь от содеянного. Почему бы, собственно, не извиниться первым? Ведь тогда в вас наверняка проснется совесть, и, лучезарно улыбаясь, вы ему тоже скажете: «Ну, и я тоже сорри, добрый человек».

От автора

«Каждая страна существует в своем маленьком замкнутом мирке, — сказал мне как-то один профессор в зеленой Британии (фраза эта была настолько хороша, что я даже засомневалась, а не позаимствовал ли он ее у кого-нибудь из великих). — Только выйдя за пределы своего мирка и попав в другой, можно по-настоящему понять что-то о своей стране и, самое главное, о себе». Теперь, пережив и переосмыслив опыт нескольких последних лет, я точно знаю: профессор был прав.

Я уже не помню, как началась моя история любви с Британией, и в особенности с Лондоном. Возможно, с имени Виктория, которое носят улицы и скверы,

парки и крупнейший вокзал. Порой мне казалось, что окружающие люди только и говорят обо мне. «Виктории» в Британии так много, что это имя уже стало нарицательным и надолго дало мне ощущение принадлежности, дома. А, может быть, с сумасшедшей белки, которая как-то раз укусила меня в Гайд-парке. Тогда я была в Лондоне в первый раз, юной туристкой, которая даже и не мечтала о том, что когда-нибудь будет учиться и работать в одном из самых восхитительных городов мира. Я просто кормила белку орехами, а та ни с того ни с сего вдруг тяпнула меня за палец. Кровь текла на землю, люди вокруг советовали немедленно бежать к доктору, потому что «это может быть бешенство». А я посмотрела в хитрые беличьи глаза и поняла, что может быть, однажды (нет, совершенно точно!) вот возьму и вернусь сюда.

Пролог

На залитой первым весенним солнцем крыше сидел человек в застиранной рубашке и рваных штанах. Он играл на банджо и пел какую-то нехитрую песенку. Кажется, это было что-то из репертуара U2, искаженное и упрощенное до неузнаваемости.

Дом стоял так близко к железнодорожному полотну, что из окна поезда можно было разглядеть и его счастливое, освещенное солнцем лицо, и дырки на старых трениках, и грязное окно, и нехитрую убогую обстановку комнаты, такую обыденную и привычную для Хакни — одного из самых непривилегированных и при этом самых живых, артистичных и необыкновенных районов Лондона.

Поезд на Ватерлоо не двигался уже минут пятнадцать. За это время машинист извинился раза три. Но, увы, ситуацию это не меняло. А значит, мой супервайзер, скорее всего, уже аккуратно пометил в тетрадочке опоздание напротив моей фамилии. Люди в переполненном вагоне жмурились от солнца и ждали, как обычно, стойко и тихо. Лишь кто-то фыркнул «*Oh, typical*» (крайняя степень возмущения для британца) в ответ на сообщение машиниста о том, что в очередной, сто сорок первый, раз что-то произошло то ли с сигналами, то ли на путях. По лицам было заметно, что думают люди в вагоне — скорее всего, о том же, о чем и я: «Черт бы побрал этот кризис, консерваторов, корпоративный кодекс и в особенности British Railways». И еще — немного завидуют этому безработному парню, поющему на крыше, хоть он и живет в такой ужасной дыре, прямо у железной дороги.

Когда-то в одном из таких домов с тонкими стенами, где вечно холодно и дует даже от пола, жили и мы, впятером в трех комнатах. Вместе плакали и смеялись. Вместе накрывали на стол и экономили фунты, чтобы заплатить за электричество. Вместе выводили клопов и грелись у газовой плиты. Вместе читали книги и смеялись над бестолковыми видео в YouTube. Вместе отмечали Рождество, пели и танцевали вокруг стола, а соседи смотрели нас из своих окон как телевизор, иммигрантское реалити-шоу.

Кажется, это было очень давно, целую жизнь назад. Мы приехали в Лондон в самый разгар кризиса. Польскому химику и микробиологу Ханне удалось устроиться в какую-то компанию, занимающуюся исследованиями предпочтений населения в области мусоропереработки. Она вставала в шесть часов утра, чтобы «исследовать» чужие мусорные бачки в различных районах города. Затем Ханна составляла отчет о том, кто, как и почему не разделяет мусор на бумажный, пластиковый и всякий прочий.

Другой наш сосед, индийский музыкант Горав, сидел все больше без работы, пока не начал продавать билеты на аттракционы на рождественской ярмарке в Гайд-парке. Больше всего повезло юристу Эве из Канады: она стала секретарем в бюро, оформлявшем документы для пакистанских беженцев (многие из которых становились таковыми, просто спустив паспорт в унитаз в аэропорту Хитроу в день прилета из родного Пакистана). Как-то раз с вечеринки Эва пришла с простуженным, несчастным, едва говорящим по-английски итальянцем Андреа, который так и остался жить у нас на кухне.

Это было давно, целую жизнь назад. И в той жизни, несмотря на все ее трудности, было место для дружбы, открытий и радости. Ханна уже давно работает в одной из лучших лабораторий Эдинбурга. У нее русский коллега, какой-то крупный ученый, который все

Виктория Завьялова

больше молчит, почти не разговаривает. Вместе они занимаются исследованием каких-то промышленных мембранных установок. Горав вернулся в родную Индию, где зажигает звезды Болливуда. Эва переехала к бойфренду в Брюссель. А я... Я нашла для себя ответ на вопрос: что такое быть истинным британцем? Хотя, пожалуй, все мы по-настоящему закалились и стали немного британцами за эти несколько сложных и прекрасных лет.

Часть 1. Люди

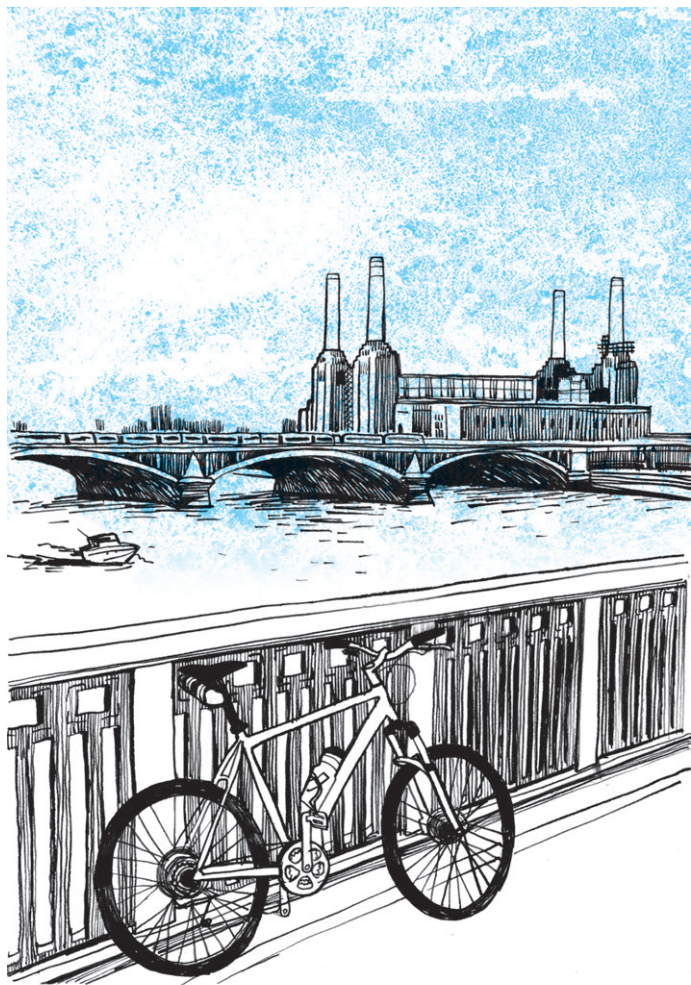
Двойной кран

Уникальный и самобытный британский характер проанализировать и понять невозможно. Это как знаменитый английский двойной кран: из одного бьет вода холодная, из другого — горячая. Вот и выбирай, что тебе по вкусу. И привыкай. Игнорировать эти двойные краны, как и особенности британского менталитета, просто невозможно. У иностранца, только приехавшего в Британию и моющего посуду в горяче-холодно-горяче-опять холодной воде, мозг болит от перенапряжения и вопроса «Зачем?!». А британцы свои двойные краны любят *dearly* (нежно). Потому что «традиция». И национальный характер, хоть и при-

выкли они над ним подшучивать, ерничать и иронизировать, им тоже бесконечно дорог. И, поверьте, вы его тоже полюбите, как только ближе узнаете. Ведь в целом британцы народ приятный, вежливый и терпимый. Но отнюдь не терпеливый, особенно если речь идет об их правах.

Когда на первый план выходит политика, бритты (особенно молодые и не заставшие жестких мер эпохи железной леди Маргарет Тэтчер) о манерах не задумываются и крушат все что ни попадя, включая общественную собственность. А что поделаться? Выкорчеванные фонари и разбитые стекла банков — это издержки демократии, их стоимость, как шутят жители острова, включена в налоги. А они, кстати, не маленькие. До поджогов и беспорядков конца лета 2011 г. полиция даже не имела права применять дубинки. Поэтому бороться с разгневанными людьми приходилось исключительно словом. Благо народ британский в общем и целом законопослушен и физическое сопротивление оказывает редко.

Выглядит это иногда даже забавно. «Сэр, пройдите, пожалуйста, в автозак», — спокойно говорит полицейский разбушевавшемуся хулигану. Тот прекращает разбивать какой-нибудь банкомат Lloyds, бросает лом и идет в автозак со словами вроде: «Да, да, вот иду уже. Это ведь то, чего ты хочешь, не так ли? Сволочь ты и слугитель режима». (Все правда, не раз видела

своими глазами и слышала своими ушами. Ну, за исключением автозаков. В Англии их нет — потому что негуманно. Так что нарушителей возят на вполне себе приличных машинах.)

В спокойное от политических волнений, беспорядков и выяснений отношений на пьяную голову поздно ночью у бара время британцы очень вежливы. То есть нет, даже крайне вежливы. Вы наступите бритту на ногу — он вам скажет «извините». Двинете его локтем в метро почему зря — опять попросит прощения. Налетите на него со всей дури, торопясь куда-то по своим делам, — а он вам опять, мол, «сорри». На представителей других наций, только приехавших в Англию, впечатление это производит неизгладимое. В первое время кажется, что все островитяне как будто «малость пришибленные» и чувствуют себя во всем виноватыми. (А ведь есть за что: все-таки Британия — бывшая империя, а бритты в прошлом — колонизаторы и грабители. И сокровищницы их национальных музеев полны греческих, египетских, индийских и прочих вывезенных реликвий.) Но, нет, это простая человеческая вежливость. Вы же не специально налетели на него, отдавили ногу, обидели и втоптали в грязь? Вероятно, уже сами мучаетесь от содеянного. Почему бы, собственно, не извиниться первым? Ведь тогда в вас наверняка проснется совесть, и, лучезарно улыбаясь, вы ему тоже скажете: «Ну, и я тоже сорри, добрый человек».

Вообще, британская вежливость заразительна. Сдается мне, именно она оказала свое решающее воздействие на такое, в принципе, благополучное сосуществование людей самых разных наций, религиозных принадлежностей, цветов и окрасов на этом маленьком островке. Это только поначалу дикие эмигрантки из Индии или Пакистана врываются в вагон лондонской подземки в традиционных цветных сари, расталкивая всех вокруг, и жадно плюхаются на первое попавшееся сиденье. Через пару недель смотришь — и ту же эмигрантку уже как подменили. Сари все то же, но какая-то тихая она, расслабленная и милая, прямо урожденная леди.

«Вирус вежливости» атакует в Британии людей, казалось бы, к ней совершенно не склонных. Помню, как-то раз на одном из митингов у российского посольства в честь 31-го числа (подобные мероприятия в Лондоне проводятся регулярно, но привлекают обычно не больше 30–40 человек) я встретила известного богемного хама и матерщинника, бывшего совладельца «Евросети» Евгения Чичваркина. Боже, как же он страшно изменился... Чичваркин постоянно повторял «золотые слова», наверняка давно забытые им еще в детстве, — «спасибо» и «пожалуйста». А еще он все время извинялся. Тут уж поневоле задумаешься: к чему все эти жалобы москвичей на «понаехавших», «не умеющих вести себя», «спустившихся с гор» при-

езжих? С кого эти «хамы» берут пример? А не посмотреть ли нам всем в зеркало в прихожей, выходя из дома нести манеры в массы?

Еще один большой «плюс» и секрет островной толерантности: бритты не делают замечаний и не жалуются. Хотите гулять в пижаме по городу? Пожалуйста, никто на вас косо не взглянет. Ковырять в носу, петть, валяться на траве, сидеть с ногами на сиденье в метро? Да ради бога, леди и джентльмены так не делают, но вы — можете. Грязь, которую вы оставите на сиденье своими кроссовками, за вами будут вытирать профессионалы, ведь это, опять-таки, включено в налоги! Вот на ступеньках в театре или кино сидеть нельзя, потому что знаете, что может случиться? Правильно, пожар. И тогда вы преградите своим телом путь спасающимся людям. И никакие доводы о том, что, когда начнется пожар, вы не будете, как идиот, сидеть на ступенях, не являются достойным аргументом в споре со зрителем зала. Потому что пожарная безопасность в Англии — это святое с 1666 г., когда весь Лондон выгорел дотла.

Несмотря на свой почти параноидальный ужас перед огнем и, можно сказать, нездоровую приверженность правилам пожарной безопасности, один раз в году бритты дают себе волю. Тогда они жгут все вокруг и отрываются по полной. Происходит это 5 ноября, в ночь Гая Фокса, известную также как «Ночь костров».

Воздух наполняется запахом гари, а помимо официальных фейерверков в парках и на холмах, за которыми бдительно следят пожарные, в городах и селах во множестве взрываются самопальные. Бритты запускают их с крыш своих домов и часто устраивают барбекю на открытом воздухе, несмотря на ноябрьский холод. Таким образом островитяне отмечают годовщину так называемого неудавшегося «Порохового заговора» 1605 г. Это еще один праздник, который в полной мере демонстрирует приверженность англичан своим традициям. (Ну, скажите, много в России праздников, отмечаемых с 1605 г.?)

Напомню историю. Как-то раз парень из Йоркшира Гай Фокс (который за время службы солдатом в Италии стал католиком) решил с приятелями-заговорщиками взорвать парламент и короля Джеймса, который был протестантом и католиков особо не жаловал. В подвале под Вестминстерским дворцом заговорщики спрятали бочки с порохом. Но их слишком много: целых 60 человек. С такой толпой сложно держать все в секрете. Один из заговорщиков предупредил своего родственника — лорда, который мог быть в парламенте во время взрыва. Тот, решив спасти не только себя, но и всех остальных, заложил приятелей правительству. Гая Фокса поймали в подвале с коробкой спичек в кармане и виноватым выражением на лице. Большинству его друзей-заговорщиков уда-

лось смыться, но некоторые из них были арестованы или убиты, а девять человек — повешены, утоплены и четвертованы. До сих пор бритты со свойственным им чувством юмора называют Гая Фокса «единственным человеком, который когда-либо входил в парламент с честными намерениями».

Впрочем, недавно ноябрьский *fun** бриттам немного подпортили. В 2004 г. правительство страны (которое, видимо, когда не думает о своем народе, то занято исключительно мыслями о возможных пожарах) представило новые требования по использованию фейерверков. Так, теперь в Британии запрещено продавать фейерверки «детям до 18 лет». Кроме того, использовать их нельзя с 23.00 до 7.00 в обычные дни. Исключениями являются лишь уже упомянутая ночь Гая Фокса, Новый год, китайский Новый год (никто не посмел лишить китайцев их законного праздника) и Дивали (праздник урожая, или индийский фестиваль огней, который всегда с размахом отмечает индийское сообщество Великобритании). Но только до часу ночи. После этого нарушителям грозит штраф в 80 фунтов.

Уникальная особенность бриттов мириться с людьми и обстоятельствами плачевно сказалась на местном сервисе. Вам принесли подгоревший бифштекс в дорогом ресторане? Ну, не обижать же официантку. К тому же

* Веселье (англ.).

внутри он вполне еще ничего. «*It's not that bad*» («Не так уж это и плохо»), — периодически раздается в ресторанах, кафе, пунктах обслуживания. Что в переводе с британского «скрытого» языка (о нем немного позже) означает: «Да, это ужасно. Но я сильный человек, буду терпеть и давиться». Эту свою особенность британцы прекрасно знают и любят над ней подшучивать. Но вот избавиться не могут. Порой складывается впечатление, что, если бы в Англии не было капризных французов, требовательных немцев и вспыльчивых латиноамериканцев, бедные бритты вообще никогда бы не получали свои посылки по почте и еду более-менее приличного качества в ресторанах.

И я не преувеличиваю. Помню, путешествуя как-то по дальним провинциям Индии, я по ошибке купила билет то ли во второй, то ли в третий класс. Советский плацкарт моего тяжелого детства показался мне в этот момент первым классом «Сапсана». Из полуразбитых окон нещадно дуло. По грязным полкам, видимо, не мывшимся с момента выпуска поезда, периодически пробегали какие-то насекомые. Вокруг сидели чумазы, дурно пахнущие люди в лохмотьях.

В ужасе я схватила за руку проходящего мимо кондуктора с криком: «Умоляю, скажите, где здесь первый класс?!» Уже на пути к выходу из этого ада за спиной я услышала родной британский выговор. «*Well, it's not that bad*», — говорила одна юная розовощекая леди

другой, пытаюсь не наступить на очередного безногого нищего, ползущего по вагону.

Хоть бритты и стоики, нет в них американской бодрости, приподнятости, энтузиазма, бессмысленной хаотичной улыбчивости. (Возможно, просто антидепрессанты не так распространены, как в США. Консервативные островитяне предпочитают решать свои психологические проблемы древними, как два раздельных крана, способами: воздух, солнце и вода. Ну а депрессию в тяжелой стадии всегда можно вылечить стаканчиком-другим в ближайшем баре.)

Конечно, так грузить окружающих своими проблемами и негативными оценками, как это делают в России, нигде не принято. Но в отличие от Америки на вопрос «Как дела?» британский друг иногда может вздохнуть и загадочно-печально протянуть «*okeish*» (в смысле ок, да не совсем). А затем ненадолго распусть юни и мимоходом поворчать на погоду, времена и моды, цены, работу, здоровье и прочие недостатки обычного человеческого бытия.

Впрочем, потом он все равно махнет рукой, хлебнет пива и скажет: «*Oh, well, soon will be Christmas*» («Ну ничего, скоро будет Рождество»), даже если на дворе лето в разгаре. Этой фразой бритты обычно завершают практически любые свои жалобы и разговоры о чем-то, что их страшно напрягает. Значит, скоро все наладится, потому что все равно придет то самое чу-

десное время, когда можно будет есть рождественскую утку и пить глинтвейн. Просто вот именно сегодня на улице дождь и настроение немного минорное. А так — жизнь прекрасна и удивительна.

Впрочем, у британцев есть легкая и не всегда очевидная для чужаков склонность к ностальгии и посыпанию голов пеплом. В последнее время благодаря финансовому кризису повсеместной стала точка зрения, характеризующаяся кратким «*Things ain't what they used to be*» («Все уже не так, как раньше», когда, видимо, деревья были больше, зарплаты выше, а Британия — зеленее). Как упаднические настроения соседствуют с верой в то, что все не так уж и плохо, — это еще вопрос. Но не стоит забывать о том, что Британия — страна контрастов, а британский темперамент удивителен и непредсказуем, совсем как двойной кран.

«Безответственность, эгоизм, растущие без отцов дети, вознаграждения без усилий — вот признаки нашего поколения. Это то, к чему пришла наша страна, — сокрушаются британцы. — Молодежь полагается на Интернет, который думает за них. Общество жестоко, доброта и щедрость становятся редким товаром». В газетах, на телевидении, в книгах — всюду *decline* (упадок) одного и *crash* (крушение) другого — соблазнительная тема. Направление даже получило название *declinism* (упадничество). Появились и книги

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)